

ЕКАТЕРИНА МОРДВИНЦЕВА

НЕВЕСТА НЕ ИЗ ТОГО ТЕСТА

Екатерина Мордвинцева

Невеста не из того теста

<https://litres.ru/74211373>

Аннотация

Что такое «не везет по жизни»? Я это знаю не понаслышке. Я не знала тепла матери, лишь тычки от мачехи, да вечные ссоры со сводной сестрой. Но вишенкой на торте стало то, что мой жених теперь женится на моей сестре. Что может быть хуже? А то, что меня сослали из родного дома в академию, где мне тоже не нашлось места. Вот только они не знали, что в этой ссылке я найду свои плюсы, ведь мой бывший жених теперь ректор этой академии. И, кажется, пришло время переставать быть «хорошей»... Ну что, ненаглядный, теперь ты мне за все ответишь! Книга выходит в рамках литмоба "Ненужная невеста в академии":

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	35
Глава 4	57
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Глава 1

Ясмина Гейтервус

— Ясмина, подойди.

Отец как обычно сидел в своем кресле-качалке и читал последние новости.

— Ты что-то хотел? — отложив пяльцы, я подошла к родителю.

— Я сегодня встречался с графом Вильямом де Сайфордом. На балу, посвященному коронации Его Величества, они с супругой заметили тебя. Граф решил оказать нам весьма большую честь и просить твоей руки для своего сына.

— Простить руки? — не веря его словам, переспросила я.

Сердце взволнованной птахой затрепетало в груди. О Рихарде де Сайфорде в обществе говорят многое: завидный холостяк, истинный джентльмен, да и просто красавец. Хотя, о последнем я могу судить лишь по слухам светских дам. И то, что граф де Сайфورد выбрал именно меня в спутницы жизни своему сыну не просто удивляло, но даже слегка пугало.

— Милая, ну что же ты так побледнела? Или не хочешь? Ты только скажи! Я мигом сообщу графу, что помолвки не будет.

— Нет-нет! — затараторила я, но тут же сникла. — Но...

— Что «но»? — отец смерил меня внимательным взглядом.

дом.

— А граф знает об уровне моей магии?

— Не тревожься, доченька. Его Светлость знает о твоей проблеме. Но он, как и я, верит, что ты сумеешь вернуть свои способности к магии.

Я несмело улыбнулась, боясь спугнуть свое счастье.

— А если я не понравлюсь их сыну? Да и я его не видела вовсе?

— Это дело поправимое. Рихард приезжает в Дэрвуд через неделю. Тогда и познакомитесь. А пока его отец передал небольшой портрет сына. Сейчас покажу его тебе, — отложив газету, отец с трудом поднялся с кресла и, прихрамывая, направился к камину.

— О чем беседуете? — в роскошном малиновом платье в гостиную буквально влетела мачеха, едва ли не толкнув меня.

Лишь в последний момент я успела сделать шаг в сторону, чтобы не стать «жертвой» этого тяжеловоза. Но она, казалось, даже не заметила меня. Следом за ней, бросив прямо на пол ажурный кружевной зонт, продефилировала Мариса.

— О замужестве Ясины, — отец мельком глянул на супругу и принялся искать портрет.

— Замужестве? — скривилась мачеха. — Впервые об этом слышу.

— Я просто не успел тебе сказать, — словно оправдываясь, произнес родитель. — Все так быстро произошло...

— И кто же жених?

Взяв с камина листок, отец протянул его своей жене.

— Вот, граф Рихард де Сайффорд.

— Де Сайффорд?! — всплеснула руками моя сводная сестра и буквально подбежала к отцу. — Ах... — выхватила небольшой лист с его портретом. — Как же хорош... Все-таки молва не лжет.

— И правда красив, — согласилась мачеха.

— Может, вы все же дадите мне взглянуть на жениха? — нерешительно спросила я.

— Маменька! А почему он именно Яське достается?! Почему не мне? — Мариса, словно маленькое дитя, притопнула ногой. — Я за него замуж хочу!

— Мариса, милая, — примирительно начал отец. — Равновато тебе еще о замужестве думать в твои-то семнадцать лет. Вот через годик-другой мы и тебе жениха присмотрим. Не хуже этого будет.

— А я другого не хочу! Я этого хочу! — упрямо настаивала сестра.

Я лишь покачала головой. С самого детства ей доставалось все самое лучшее, а мне — тычки да обноски. Но сейчас настало мое время! Наконец-то и у меня будет что-то хорошее.

Устав ждать, я подошла к сестре.

— Отдай портрет, протянула руку, взявшись за край листа.

Жаль, лица все еще было не видно, так как сестра держала бумагу вниз изображением.

— И не подумаю! — Мариса резко дернула его на себя, вырывая из моих рук. — Мама!

— Ясмина! Отдай портрет девочке! Подумаешь, какая-то бумажка, — фыркнула мачеха.

— Это не просто бумажка, а портрет моего жениха! Я ведь даже не видела его ни разу!

— И что из этого? У тебя вся жизнь впереди! Еще успеешь насмотреться.

Довольная речью матери, Мариса рванула к себе в комнату.

— Ясенька, милая, Клариса права, — как обычно вступился отец за свою супругу. — Будь благоразумнее.

— Да и вообще, — мачеха уперла руки в бока. — Чем прохлаждаться, лучше бы делами занялась: на кухне помогла. Знаешь же, что кухарка одна там не справляется. А у нас не так много денег, чтобы дюжину слуг иметь. Вот выйдешь замуж, будешь бездельничать.

— Но почему Мариса не поможет? Она уже давно не ребенок! — возмутилась такой несправедливости.

— Марисочка устала. Она только что вернулась с урока танцев. А скоро придет учитель магии. В отличие от тебя, она способная девочка. А тебе стоит хоть чему-то научиться. Если в магии ты ни на что негодна, хоть по дому помогай!

— Но я не виновата, что моя магия пропала! Я не прислу-

га в этом доме! — с обидой высказала я.

— Хватит уже спорить со мной! Арэн! Скажи ты хоть что-то! Почему твоя дочь позволяет себе перечить мне? Я столько лет стараюсь для нее, пытаюсь родную мать заменить, а она, неблагодарная, еще и грубит мне!

— Клариса, дорогая, успокойся. Девочка погорячилась. Ясмина, извинись немедленно! — потребовал отец.

— Извиняться? Но за что?

— Ясмина! — более настойчиво произнес родитель.

— И не подумаю!

Обида захлестнула с головой. Сорвавшись с места, без оглядки умчалась к себе и захлопнула дверь.

Ну почему жизнь так несправедлива ко мне?!

Я была готова сидеть в своей комнате хоть неделю, хоть месяц, но вот урчащий от голода живот был со мной совершенно не согласен. Время близилось к ужину, из-за двери доносился манящий аромат свежеприготовленного мяса. Не выдержав этой пытки, все же покинула свое убежище.

— Что? Голод сильнее обид оказался? — мачеха довольно растянула в улыбке. — То-то же!

— Кларис, не стоит начинать ссоры по новой, — остановил отец ее издевки. — Давайте хотя бы поужинаем спокойно.

— Да кто ж против? Я лишь констатирую факт.

Я старательно сдерживала себя от того, чтобы что-то ответить. Положение вновь спас отец.

— Чем ругаться, лучше стоит решить, какую модистку пригласить на завтра.

— Модистку? Зачем? — мачеха едва не выронила вилку из рук.

— Ну как же? У Ясины совсем скоро помолвка. Она должна произвести впечатление на жениха и его семью.

— Если они уже решили, что свадьбе быть, то и деньги ни к чему тратить понапрасну! Они не растут на дереве, а зарабатываются непосильным трудом. Так что и без модистки обойдемся. К тому же, в моем гардеробе найдется несколько платьев, что будут ей по размеру. Я их и не носила вовсе.

Видя серьезный настрой жены, отец не стал ей возражать. Внутри меня же начинало разгораться адское пламя. Нет, ну где это видано?! Почему я должна довольствоваться платьями мачехи, вместо того, чтобы заказать их новые?

С мольбой взглянула на отца, но тот лишь насупившись сидел, уставившись в свою тарелку. Ну понятно! Спорить опять бесполезно. Сейчас я как никогда прежде была рада предстоящей свадьбе. И все равно кто будет моим будущим мужем. Главное, что я в скором времени покину это дом раз и навсегда.

Через силу доела и встала из-за стола, чтобы уйти, но не тут-то было. Мачеха вновь решила испытать мое терпение.

— И куда это ты собралась? Посуду за тобой кто убирать будет? — Стиснув зубы, я взяла тарелку и понесла ее на кухню. — Никакого воспитания! — продолжала глумиться она.

Я сильнее сжала тарелку. — Вот будь она моей дочерью... — От такого высказывания я дернулась, словно меня молнией прошибло. Рука дрогнула, а тарелка предательски выскользнула из руки, упав на пол. Громкий звон огласил столовую, а осколки полетели в разные стороны. — Да что ж ты такая криворукая? — взбеленилась мачеха. — Ничего нормально сделать не можешь! Чего застыла? Неси метлу и совок! Живо убирай за собой!

— Миссис Гейтервус, — на шум прибежала наша кухарка, а по совместительству и горничная. — Не извольте тревожиться. Я мигом все уберу.

— Еще чего! Она разбила — пусть сама и убирает! Пора привыкать самой отвечать за все.

— Но...

— Что?! Еще ты со мной спорить вздумала?

— Что вы, миссис Гейтервус! Как я посмела бы?!

— Не забывай свое место! Живо с глаз долой! — прогнала она Лиссию. Служанка быстро скрылась, опасаясь еще большего гнева хозяйки. — А ты чего истуканом застыла? За дело!

В очередной раз стиснув зубы, ушла на кухню.

— Мисс Гейтервус, возьмите, — Лиссия с сочувствием в глазах протянула мне метлу и совок. — Вы уж простите меня. Я бы с радостью все сама сделала, но...

— Не волнуйся. Я не стеклянная, так что не переломлюсь, если уберу. А тебе лучше не перечить ей. Мне она все равно

не посмеет ничего сделать, а вот тебя запросто уволит.

— Мне никак терять эту работу нельзя, — схватилась за сердце Лиссия. — У меня матушка старая, да больная. Я одна работаю. А еще двое братьев-сорванцов.

— Вот и держись за это место. Я справлюсь.

— Эх... — вздохнула она. — Как же мне вас жаль. Изодня в день вам достается.

— Ничего, совсем скоро это закончится, — забрав метлу, я покинула кухню.

Под неустанным взглядом мачехи, под аккомпанемент ее упреков, как можно скорее убрала осколки и ушла. Уж лучше в комнате просижу до самой свадьбы, чем видеть ее и Марису.

Мое добровольное заточение нарушил отец.

— Ясмина, я не понимаю, чего ты добиваешься? Клариса и так старается для тебя.

— Папа, я ни при чем! Она сама все время цепляется ко мне. Что бы я не сделала, все не так, да не этак.

— Она любит тебя. Да, по-своему, но все же.

— Я всегда была и буду для нее чужой. И давай больше не будем об этом. Лучше скажи, когда все-таки придет мой жених?

— Я завтра встречаюсь с графом. Мы как раз обсудим детали. А ты постарайся больше не конфликтовать с Кларисой. Сделай это ради меня.

— Я постараюсь, — покорно пообещала я родителю, хотя

сама в это практически не верила.

Отец ушел, а я начала расстилать постель. Усталость накатила с невероятной силой. Приготовившись ко сну, подошла к окну, чтобы закрыть его, но резко вздрогнула: за моей спиной раздался подозрительный шорох, словно в шкафу кто-то был.

Я на мгновение замерла. Моё сердце, как пугливая бабочка, трепыхалось в груди, пытаясь вырваться на свободу, словно предчувствуя что-то ё тревожное. На цыпочках, стараясь осторожно ступать, чтобы ни одна половица под ногами не издала своего скрипучего звука, я медленно двинулась к двери комнаты.

Шаг... В шкафу вдруг всё затихло, как будто само пространство замерло в ожидании. Я сделала ещё один шаг... И в этот момент раздался оглушительный удар вешалки о дверцу шкафа. Вновь я застыла на месте, прислушиваясь. В шкафу началась какая-то возня, будто что-то ожило и решило выбраться на свободу. Резко дернувшись вперёд, я уже собиралась схватиться за ручку двери, но не успела этого сделать. С громким треском дверца шкафа распахнулась, будто сбросив оковы, едва ли не сорвавшись с петель, и мне под ноги стремительно ринулось нечто, фыркающее и явно не раздумывающее о последствиях.

Расфокусировав взгляд, я попыталась рассмотреть это загадочное существо, но в этом мне не повезло: всё, что проглядывалось сквозь намотанное платье (между прочим, моё

самое любимое!) был лишь длинный полосатый хвост грязного цвета, напоминающий брусчатку, по которой я бегала в детстве.

— А-а-а-а-а! — от неожиданности вырвался у меня крик, за которым последовал будто бы отголосок паники.

В ответ на мой голос, нечто резко сменило направление, явно испугавшись громкого вопля, и с разбегу со всей силы врезалось в дверь. На мгновение в комнате повисла гнетущая тишина. Но не тут-то было: это существо быстро оклемалось и, словно не замечая меня, снова бросилось мне под ноги.

— А-а-а-а-а! — замахала я руками в воздухе, стараясь удержать равновесие, словно пытаюсь поймать что-то невидимое.

К моему несчастью, ничего зацепить не удалось, и я с глухим стуком рухнула вниз. На счастье, голова прилась на мягкую поверхность матраса кровати, а не на жёсткий пол, который, безусловно, мог бы не пощадить меня. Однако моему бедному мягкому месту не повезло — я стукнулась им с такой силой, что глухо простонала от боли.

При этом, пока я «летала», это нечто взбесилось и вско-чило на кровать, завожилось в моём платье, как будто стараясь избавиться от него. Но процесс выходил у него довольно неуклюже, что только усиливало моё беспокойство. Я была готова помчаться из спальни, не оглядываясь, но вдруг поняла, что ушибленная нижняя часть спины не позволяет мне даже подняться с пола. Теперь мне ничего не оставалось, как

оставаться лежащей рядом с кроватью, не зная, что делать дальше.

Над головой раздалось неразборчивое пыхтение, которое постепенно сменилось на что-то похожее на шипение.

— Пф-пф-п... Ф-пф-ф, — доносилось сверху.

Я, буквально затаив дыхание, подняла взгляд, не в силах поверить в происходящее.

— А-а-а-а! — снова закричала я, увидев, что над моим испуганным лицом нависала серая слюнявая морда.

Влажный чёрный нос двигался из стороны в сторону, при-
нюхиваясь. Небольшие тёмные глазки-бусины, обрамленные
чёрной маской, не моргали, беспощадно рассматривая меня
в упор, словно анализируя всю ситуацию.

— И чего орёшь? Умалишённая что ли? — произнесло
это нечто, и мне стало ещё хуже, когда я осознала, что оно
говорило с недовольством, как будто бы я нарушила его по-
кой.

Это оказалось таким шоком, что моё сознание отключи-
лось, будто вся реальность растаяла в один миг...

Когда я вернулась в сознание, мир вокруг казался все тем
же, но нечто уже преспокойно расположилось на кровати,
ухмыляясь. Раздосадованная невозможностью игнорировать
ситуацию, я приподняла голову и встретила с темными
глазками, которые теперь горели легким насмешливым све-
том.

— Эй, ты живая или нет? — опять с явным презрением

произнесло оно.

Я медленно присела, заметив. Не сводя глаз с сидящего на кровати зверя, попыталась совладать я налитым свинцом телом.

— Ты... ты говоришь? — пробормотала я, не веря своим ушам.

Нечто лишь фыркнуло, и его хвост гордо вскинулся.

— Наряд у тебя — никакой, — будто не слыша меня, прокомментировал зверь. — И вопросы задаешь глупые. Меня зовут Мартин. И я бы попросил не орать больше. А то уж прости, но я просто не могк устоять перед такой невоспитанностью.

Я не знала, отвечать ли этому зверю, но, к моему удивлению, он совсем не выглядел угрожающе. Понимая, что углубляться в обсуждение моды было бы абсурдно, я решила вытащить из ситуации что-то полезное.

— Зачем ты влез в мой шкаф? И вообще кто ты? — спросила я, стараясь старательно следить за тоном своего голоса, чтобы ненароком не напугать, а точнее не разозлить этого самого Мартина.

Он вскинул уши и с важным видом посмотрел на меня.

— Собирался поесть, но ты так закричала, что напугала меня до ужаса. Между прочим, я не люблю, когда издают громкие звуки. И если ты еще раз закричишь, я укушу тебя... А вообще, я енот, — зверек деловито сложил лапки на мохнатой грудке.

Перспектива быть покусанной меня совершенно не устраивала, поэтому решила сохранить дружеский ход нашей беседы, будто ничего экстраординарного и не случилось.

— Впервые слышу про каких-то там енотов.

— Что?! — казалось, глазки-бусинки Мартина увеличились в размере. — Как не слышала? Да мы, еноты, едва ли не самые известные фамилляры! Ну и наглость! — обиженно пробурчал зверек.

— Прости, но я правда не слышала.

Но тогда Мартин лишь отвел взгляд, как будто я была не достойна его внимания. Он скользнул к краю кровати и сделал движение, словно собираясь прыгнуть вниз.

— Подожди! — закричала я (по инерции, если честно). — Ты только что меня едва ли не до сердечного приступа довел, а теперь сбежать решил. Ну уж нет! Признавайся, что ты на самом деле тут делал!

Мартин, остановившись на полпути, весьма недовольно посмотрел на меня.

— Ну ладно, — проворчал он. — Хочешь знать? На самом деле всё просто. Видишь ли, мой хозяин сейчас в соседнем доме, а меня в карете оставил. А я так проголодался... Вот и решил, что не помешает перекусить.

— А сюда-то зачем залез?

— Ну так только твое окно открытым было. А потом я услышал, как кто-то к двери подходит, вот спрятался в шкаф.

Но тут его мелодичный голос оборвался, словно он что-то услышал.

— Ты чего?

— Пора мне! — торопливо бросил Мартин. — Меня хозяин зовет. Окно откроешь?

— Ну ты и наглый! — возмутилась я, и в этот момент меня охватило чувство легкого удивления и холодного негодования одновременно.

Я окончательно пришла в себя после неожиданного визита этого необычного существа, и, не додумавшись до лучших слов, просто выпалила первое, что пришло на ум.

— Не наглый, а коммуникабельный, — с понятной долей самодовольства поправил меня енот, и, с лёгким толчком, спрыгнул с кровати.

Он выглядел довольно уверенно, будто абсолютно не сомневался в своем праве находиться здесь, в моём уютном, хоть и слегка скучном, уголке.

Я встала с пола, немного не веря в происходящее, и пошла к окну. С лёгким усилием приоткрыла его. Убедившись, что этот забавный зверек действительно собирается покинуть моё жилище, я заметила, как он, изящно запрыгнув на подоконник, обернулся ко мне.

— Может, у тебя тут всё-таки есть, что перекусить? — спросил он, с некоторым безразличием покачивая головой, и в этом его вопросе было что-то уморительное.

— Прости, но нет, — пожав плечами, ответила я, с со-

жалением принимая во внимание отсутствие чего-либо, что могло бы облегчить страдания этого, на первый взгляд, голодного енота.

Внезапно, сквозь открытое окно, до меня донесся мужской голос, чей тон вызывал трепет в воздухе вокруг.

— Мартин! Я сейчас без тебя уеду! — произнес он так, словно момент ожидания был полон нетерпения.

— Эх... Жалко, — с чувством вздохнул зверёк, и в тот же миг спрыгнул вниз, растворяясь в вечерней мгле.

Я попыталась приглядеться и рассмотреть того, кто его зовёт, но, увы, за деревьями и высоким забором не было ничего видно.

Глава 2

Ясмина Гейтервус

Сердце колотилось где-то в горле, отчаянно пытаюсь вырваться наружу. Каждый удар отдавался в висках глухим, навязчивым стуком. Ладони вспотели, и я с силой сжала складки нелепого болотного платья, стараясь унять дрожь. Неужели это платье – лучшее, что я могу надеть на встречу с будущим женихом? Мысли путались, создавая хаотичный вихрь из страха, надежды и горькой обиды.

Лиссия, встретив меня у двери в гостиную, бросила на мой наряд полный сочувствия взгляд и тихо прошептала:

— Держитесь, мисс. Вы прекрасны.

Её слова были каплей доброты в море всеобщего безразличия, но они мало помогали. Я кивнула, сглотнув комок в горле, и сделала глубокий вдох. Дверь передо мной распахнулась. Первый, кто бросился в глаза, — отец. Он стоял посреди комнаты, вытянувшись в струнку, и его обычно доброе лицо было искажено маской подобострастия и нервозности. Рядом с ним, излучая фальшивую сладость, замерла Клари-са. Её глаза с ненавистью скользнули по моему платью, но на губах застыла подобострастная улыбка.

А потом мой взгляд упал на них.

У камина, непринуждённо беседуя, стояли трое. Пара по-

жилых, но невероятно статных аристократов — несомненно, граф Вильям де Сайфорд и его супруга. Графиня, высокая и изящная, с седыми волосами, уложенными в сложную причёску, смотрела на мужа с тёплой улыбкой. А он... Он был очень похож на того, кто стоял рядом.

Рихард де Сайфорд.

Даже самый искусный художник не смог бы полностью передать его портрет. Он был высок, широк в плечах, а в его осанке читалась скрытая, хищная сила. Иссиня-чёрные волосы были идеально уложены, оттеняя бледность кожи и пронзительные, холодные глаза цвета зимнего неба. В его взгляде была глубина, которая пугала и манила одновременно. Он слушал что-то говорившего ему отца, слегка склонив голову, и на его лице не было ни тени эмоций — лишь вежливая, отстранённая учтивость.

Отец, заметив меня, поспешно сделал шаг вперёд.

— А вот и моя старшая дочь, Ясмина, — произнёс он, и его голос прозвучал неестественно громко. — Дорогая, разреши представить тебе графа Вильяма де Сайфорда, его супругу графиню Изабеллу и их сына, графа Рихарда.

Я сделала реверанс, как меня учили, чувствуя, как платье нелепо шуршит вокруг меня.

— Очень приятно с вами познакомиться, — прошептала я, едва слышно.

Граф Вильям подошёл первым. Его лицо, испещрённое морщинами, казалось, хранило следы былой строгости, но

сейчас на нём играла добродушная улыбка.

— Восхитительна, — сказал он, беря мою руку и касаясь её губами в почтительном приветствии. — Мы рады, что судьба предоставляет нашим семьям такой шанс.

Графиня Изабелла последовала за мужем. Её прикосновение было лёгким, а взгляд — пронизательным и оценивающим, но не враждебным.

— Милое дитя, — произнесла она, и её голос звучал как тёплый шёлк. — Надеюсь, наше внезапное предложение не слишком смутило тебя.

— Нет... то есть да... Я очень польщена, — я запнулась, чувствуя, как горит лицо. Я была уверена, что выгляжу полной дурой.

И тогда настал его черёд.

Рихард де Сайфорд медленно приблизился. Он был ещё выше, чем казалось издали. Я вынуждена была запрокинуть голову, чтобы встретиться с его взглядом. Он скользнул по мне — от непослушных прядей волос, выбившихся из причёски, до кончиков стоптанных туфель, которые я старалась спрятать под подолом. В его холодных глазах не мелькнуло ни интереса, ни одобрения, ни даже простого любопытства. Лишь лёгкая, едва уловимая тень скуки.

— Мисс Гейтервус, — произнёс он. Его голос был низким, бархатным, но абсолютно бесстрастным, словно он зачитывал доклад о погоде.

Он не протянул руку для поцелуя. Не улыбнулся. Просто

констатировал факт моего присутствия.

— Господин де Сайфорд, — выдохнула я в ответ, чувствуя, как внутри всё сжимается от ледяного прикосновения его безразличия.

В этот момент мачеха, словно коршун, учуявший добычу, ринулась в атаку.

— О, не обращайтесь внимания на её смущение, — заверещала она, подлетая к Рихарду и бесцеремонно беря его под руку, как будто они старые друзья. — Наша Ясмина... она у нас скромница. И, к сожалению, не слишком сильна в светских беседах. И в магии, увы, не преуспела. Но зато рукодельница отменная! Пяльцы — её лучшие друзья.

Она говорила это с такой сладкой улыбкой, что я едва не подавилась собственным языком. Рихард лишь кивнул, его взгляд уже блуждал где-то за моей спиной.

И тут, словно по заранее отрепетированному сигналу, в дверном проёме появилась она.

— Маменька, я никак не могу найти свою... Ой! — раздался сладкий, как патока, голос. — Простите, я не знала, что у вас гости...

Все взгляды, включая ледяной взор Рихарда, устремились на порог.

Мариса стояла там, залитая потоками утреннего света из окна позади неё. Она была одета в нежно-голубое платье, которое идеально сидело на её юной фигурке и подчеркивало невинность. Её золотистые локоны были уложены в слож-

ную, но воздушную причёску, а на шее поблёскивал изящный кулон — тот самый, что мачеха подарила ей накануне. Она притворно смутилась, прикрыв ручкой губы, и сделала шаг назад, будто собираясь уйти.

— Мариса, дорогая, иди к нам! — воскликнула мачеха с неподдельным восторгом, которого никогда не было в её голосе, когда она обращалась ко мне. — Граф, графиня, граф Рихард, позвольте представить вам мою младшую дочь, Марису. Простите её, она всегда такая скромная, прячется от гостей.

Мариса сделала несколько грациозных шагов вперёд и совершила безупречный реверанс, опустив ресницы так, что они веером легли на щёки.

— Это честь для меня, — прошептала она, и её голосок дрожал от подобранного до совершенства смущения.

И произошло то, чего, должно быть, и ждала мачеха. Холодный, отстранённый взгляд Рихарда де Сайфорда наконец сфокусировался. Он остановился на Марисе, и в его глазах что-то мелькнуло. Не тепло, нет. Скорее... интерес. Внимание, которого он только что начисто лишил меня. Он отпустил руку Кларисы и сделал шаг навстречу моей сестре.

— Мисс Мариса, — произнёс он, и в его голосе впервые появились нотки чего-то, кроме вежливости. — Вы затмеваете само утро.

— О, граф, вы слишком любезны, — захихикала Мариса, тут же поймав брошенную ей удочку и запустив в него весь

арсенал своих кокетливых уловок. — Я всего лишь скромная девушка.

— Скромность — редкая добродетель в наше время, — парировал Рихард, и его взгляд скользнул по её кулону, словно находя в нём что-то особенно любопытное.

Они завязали разговор. Рихард задавал вопросы о её обучении, о предпочтениях, и Мариса с упоением отвечала, разыгрывая из себя учёную скромницу. Граф и графиня переглянулись с лёгким и нарастающим недоумением. Отец беспомощно теребил свой жилет.

Сердце колотилось где-то в горле, отчаянно пытаясь вырваться наружу. Каждый удар отдавался в висках глухим, навязчивым стуком. Ладони вспотели, и я с силой сжала складки нелепого болотного платья, стараясь унять дрожь. Неужели это платье — лучшее, что я могу надеть на встречу с будущим женихом? Мысли путались, создавая хаотичный вихрь из страха, надежды и горькой обиды.

Лиссия, встретив меня у двери в гостиную, бросила на мой наряд полный сочувствия взгляд и тихо прошептала: — Держитесь, мисс. Вы прекрасны.

Её слова были каплей доброты в море всеобщего безразличия, но они мало помогали. Я кивнула, сглотнув комок в горле, и сделала глубокий вдох. Дверь передо мной распахнулась. Первый, кто бросился в глаза, — отец. Он стоял посреди комнаты, вытянувшись в струнку, и его обычно доброе лицо было искажено маской подобострастия и нервозности.

Рядом с ним, излучая фальшивую сладость, замерла Клари-са. Её глаза с ненавистью скользнули по моему платью, но на губах застыла подобострастная улыбка.

А потом мой взгляд упал на них.

У камина, непринуждённо беседуя, стояли трое. Пара по-жилых, но невероятно статных аристократов — несомненно, граф Вильям де Сайфорд и его супруга. Графиня, высокая и изящная, с седыми волосами, уложенными в сложную причёску, смотрела на мужа с тёплой улыбкой. А он... Он был очень похож на того, кто стоял рядом.

Рихард де Сайфорд.

Даже самый искусный художник не смог бы полностью передать его портрет. Он был высок, широк в плечах, а в его осанке читалась скрытая, хищная сила. Иссиня-чёрные волосы были идеально уложены, оттеняя бледность кожи и пронзительные, холодные глаза цвета зимнего неба. В его взгляде была глубина, которая пугала и манила одновременно. Он слушал что-то говорившего ему отца, слегка склонив голову, и на его лице не было ни тени эмоций — лишь вежливая, отстранённая учтивость.

Отец, заметив меня, поспешно сделал шаг вперёд.

— А вот и моя старшая дочь, Ясмина, — произнёс он, и его голос прозвучал неестественно громко. — Дорогая, разреши представить тебе графа Вильяма де Сайфорда, его супругу графиню Изабеллу и их сына, графа Рихарда.

Я сделала реверанс, как меня учили, чувствуя, как платье

нелепо шуршит вокруг меня.

— Очень приятно с вами познакомиться, — прошептала я, едва слышно.

Граф Вильям подошёл первым. Его лицо, испещрённое морщинами, казалось, хранило следы былой строгости, но сейчас на нём играла добродушная улыбка.

— Восхитительна, — сказал он, беря мою руку и касаясь её губами в почтительном приветствии. — Мы рады, что судьба предоставляет нашим семьям такой шанс.

Графиня Изабелла последовала за мужем. Её прикосновение было лёгким, а взгляд — пронизательным и оценивающим, но не враждебным.

— Милое дитя, — произнесла она, и её голос звучал как тёплый шёлк. — Надеюсь, наше внезапное предложение не слишком смутило тебя.

— Нет... то есть да... Я очень польщена, — я запнулась, чувствуя, как горит лицо. Я была уверена, что выгляжу полной дурой.

И тогда настал его черёд.

Рихард де Сайфورد медленно приблизился. Он был ещё выше, чем казалось издали. Я вынуждена была запрокинуть голову, чтобы встретиться с его взглядом. Он скользнул по мне — от непослушных прядей волос, выбившихся из причёски, до кончиков стоптанных туфель, которые я старалась спрятать под подолом. В его холодных глазах не промелькнуло ни интереса, ни одобрения, ни даже простого лю-

бопытства. Лишь лёгкая, едва уловимая тень скуки.

— Мисс Гейтервус, — произнёс он. Его голос был низким, бархатным, но абсолютно бесстрастным, словно он зачитывал доклад о погоде.

Он не протянул руку для поцелуя. Не улыбнулся. Просто констатировал факт моего присутствия.

— Господин де Сайфорд, — выдохнула я в ответ, чувствуя, как внутри всё сжимается от ледяного прикосновения его безразличия.

В этот момент мачеха, словно коршун, учуявший добычу, ринулась в атаку.

— О, не обращайтесь внимания на её смущение, — заверещала она, подлетая к Рихарду и бесцеремонно беря его под руку, как будто они старые друзья. — Наша Ясмина... она у нас скромница. И, к сожалению, не слишком сильна в светских беседах. И в магии, увы, не преуспела. Но зато рукодельница отменная! Пяльцы — её лучшие друзья.

Она говорила это с такой сладкой улыбкой, что я едва не подавилась собственным языком. Рихард лишь кивнул, его взгляд уже блуждал где-то за моей спиной.

И тут, словно по заранее отрепетированному сигналу, в дверном проёме появилась она.

— Маменька, я никак не могу найти свою... Ой! — раздался сладкий, как патока, голос. — Простите, я не знала, что у вас гости...

Все взгляды, включая ледяной взор Рихарда, устремились

на порог.

Мариса стояла там, залитая потоками утреннего света из окна позади неё. Она была одета в нежно-голубое платье, которое идеально сидело на её юной фигурке и подчеркивало невинность. Её золотистые локоны были уложены в сложную, но воздушную причёску, а на шее поблёскивал изящный кулон — тот самый, что мачеха подарила ей накануне. Она притворно смутилась, прикрыв ручкой губы, и сделала шаг назад, будто собираясь уйти.

— Мариса, дорогая, иди к нам! — воскликнула мачеха с неподдельным восторгом, которого никогда не было в её голосе, когда она обращалась ко мне. — Граф, графиня, граф Рихард, позвольте представить вам мою младшую дочь, Марису. Простите её, она всегда такая скромная, прячется от гостей.

Мариса сделала несколько грациозных шагов вперёд и совершила безупречный реверанс, опустив ресницы так, что они веером легли на щёки.

— Это честь для меня, — прошептала она, и её голосок дрожал от подобранного до совершенства смущения.

И произошло то, чего, должно быть, и ждала мачеха. Холодный, отстранённый взгляд Рихарда де Сайфорда наконец сфокусировался. Он остановился на Марисе, и в его глазах что-то мелькнуло. Не тепло, нет. Скорее... интерес. Внимание, которого он только что начисто лишил меня. Он отпустил руку Кларисы и сделал шаг навстречу моей сестре.

— Мисс Мариса, — произнёс он, и в его голосе впервые появились нотки чего-то, кроме вежливости. — Вы затмеваете само утро.

— О, граф, вы слишком любезны, — захихикала Мариса, тут же поймав брошенную ей удочку и запустив в него весь арсенал своих кокетливых уловок. — Я всего лишь скромная девушка.

— Скромность — редкая добродетель в наше время, — парировал Рихард, и его взгляд скользнул по её кулону, словно находя в нём что-то особенно любопытное.

Они завязали разговор. Рихард задавал вопросы о её обучении, о предпочтениях, и Мариса с упоением отвечала, разыгрывая из себя учёную скромницу. Граф и графиня переглянулись с лёгким и нарастающим недоумением. Отец беспомощно теребил свой жилет.

А я стояла в стороне. Невидимая. Ненужная. Неудачница в уродливом платье, которую затмила блестящая младшая сестра, явившаяся словно по мановению волшебной палочки в самый подходящий момент. Слова мачехи о моей «бездарности» висели в воздухе, словно ядовитый дуст. Я видела, как взгляд Рихарда скользнул по мне снова, и на этот раз в нём читалось нечто похожее на... лёгкое недоумение, почему вообще его утруждали необходимостью видаться со мной.

В горле встал ком. Глаза предательски застилали слёзы, но я изо всех сил сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони. Не смей. Не смей плакать здесь и сейчас.

Внезапно Рихард обернулся к моему отцу.

— Мистер Гейтервус, — сказал он, и его голос вновь стал формальным, но теперь в нём звучала определённая цель. — Я был бы рад, если бы мисс Мариса составила мне компанию во время небольшой прогулки по вашему саду. Мне интересно обсудить некоторые магические теории с кем-то, кто, я уверен, сможет их оценить.

Это был прямой, оглушительный удар. Предложить прогулку не невесте, а её сестре? При всём честном народе? Да это неслыханная дерзость!

Граф Вильям нахмурился.

— Рихард, я не думаю, что это... — начал он, но сын его перебил, не повышая голоса, но с непрекращаемой авторитетностью.

— Отец, я лишь хочу побеседовать с образованной дамой на интересующие меня темы. Уверен, мисс Ясмина не станет против.

Все взгляды устремились на меня. Взгляд отца умолял не устраивать сцену. Взгляд мачехи сиял злорадным торжеством. Взгляд Марисы был полон победой.

Что я могла сделать? Возмутиться? Заявить о своих правах? Это лишь выставило бы меня дурой, ревнующей жениха к собственной сестре. Я была в ловушке.

— Конечно, — выдавила я, заставляя свои губы растянуться в чём-то, что должно было быть улыбкой. — Я не против.

Рихард кивнул, как будто и не ожидал иного ответа, и предложил руку Марисе. Та, сияя, приняла его, и они направились к выходу в сад. Мачеха поспешила за ними, словно опасаясь, что её дитя не справится с таким важным заданием.

Я осталась стоять посреди гостиной с его родителями и своим несчастным отцом. Неловкая пауза повисла в воздухе.

— Милая, — наконец сказала графиня Изабелла, подходя ко мне. В её глазах я прочитала неожиданное понимание и даже лёгкую грусть. — Не обращай внимания на моего сына. Иногда он бывает... чрезмерно увлечён своими интеллектуальными интересами. Это не значит, что он...

— Всё в порядке, — перебила я её, не в силах выслушивать оправдания. — Я всё понимаю. Позвольте мне... мне нужно проверить кое-что на кухне. Прошу прощения.

Я развернулась и почти выбежала из гостиной, не глядя на них. Мне нужно было быть одной. Где угодно, только не здесь.

Я метнулась в сторону коридора, ведущего в сад, но замерла у окна. Оттуда доносился смех Марисы. Я увидела их: Рихард и моя сестра прогуливались по розовой аллее. Он что-то говорил, а она заливалась своим фальшивым, колокольчиковым смехом, касаясь его руки. Он смотрел на неё с тем самым интересом, которого был полностью лишён наш разговор.

Больше я не могла это выносить. Я отвернулась и броси-

лась прочь по коридору, по направлению к своей комнате. Слезы, наконец, хлынули из глаз, горячие и горькие. Он даже не взглянул на меня по-настоящему. Он уже сделал свой выбор. И этот выбор был Мариса.

Я влетела в свою комнату, захлопнула дверь и прислонилась к ней спиной, пытаюсь перевести дыхание. Всё было кончено ещё до того, как началось. Моя свадьба, моё спасение, моё будущее — всё рассыпалось в прах за какие-то пятнадцать минут.

Вдруг на подоконнике что-то зашевелилось.

— Ну что? Как твой жених? — раздался знакомый голос. Мартин сидел, свесив лапы, и доедал что-то, сильно напоминающее украденную с кухни булочку. — Произвел впечатление? Сердце затрепыхалось?

Я просто смотрела на него, не в силах вымолвить ни слова. По моим щекам ручьями текли слёзы.

Наглость мгновенно исчезла с мордочки енота. Он насто-рожился.

— Эй! Что случилось? Он что, оказался лысым? Или у него оказалось две головы? Хотя вторая голова — это было бы даже интересно... — он явно пытался меня развеселить.

— Он... он... — я всхлипнула, не в силах сдержать рыдания. — Он даже смотреть на меня не захотел! Он ушёл гулять с Марисой!

Мартин отложил булочку и прыгнул с подоконника. Он подошёл поближе и уселся передо мной, его хвост беспокой-

но зашевелился.

— С сестрой? Серьёзно? Ну, знаешь ли... Это уже перебор. Даже для моего хозяина, а он иногда бывает туповат, как валун.

— Он считает её умной и талантливой, — рыдала я, — а я... я просто никчёмная дылда в чужом платье!

Мартин помолчал, его блестящие глазки внимательно изучали моё заплаканное лицо.

— Слушай, — сказал он наконец, и в его голосе не было привычной насмешки. — Не вешай нос. Мой хозяин — дракон. В прямом смысле. А у драконов... с восприятием бывают проблемы. Они видят не то, что есть, а то, что хотят видеть. Или то, что им показывают. Что-то тут нечисто.

Я перестала плакать, уставившись на него.

— Что ты имеешь в виду?

— Не знаю пока, — честно признался енот. — Но нюх у меня хороший. А тут пахнет жареным. Или подгоревшей магией. Одно из двух.

Он поднялся на задние лапы и ткнул меня своей мохнатой лапкой в колено.

— А теперь перестань реветь. Испортишь себе всю красоту. И принеси мне ещё булочек. От переживаний у меня аппетит разыгрался.

И как ни странно, его грубоватые слова подействовали лучше любых утешений. Слезы иссякли. Их место постепенно начала заполнять новая эмоция — не боль, а холодная,

обжигающая обида. И первая робкая искорка гнева.

Рихард де Сайфорд отверг меня, даже не узнав. Что ж, прекрасно. Мне не нужна его жалость. И уж тем более не нужна его любовь.

Но почему-то в глубине души, вопреки всему, крошечный огонёк надежды всё ещё тлел. И слова Мартина о том, что «что-то нечисто», лишь раздували его.

Я посмотрела на енота, который уже снова увлечённо уплетал крошки.

— Ладно, — прошептала я, вытирая лицо. — Булочек так булочек. Но только если ты поможешь мне выяснить, что здесь происходит.

Мартин лишь хмыкнул в ответ, но в его глазах мелькнул тот самый хитрющий огонёк, который означал только одно: игра начинается.

Глава 3

Ясмина Гейтервус

Следующие несколько дней в доме витала атмосфера странного, вымученного праздника. Для мачехи и Марисы — это был триумф. Для меня — унижительное ожидание собственной казни.

Рихард де Сайфорд стал частым гостем в нашем доме. Вернее, гостем для Марисы. Он приезжал почти каждый день, всегда с каким-нибудь изысканным подарком для неё: то редкой книгой по магическим теориям, то изящным сосудом для эликсиров, то букетом экзотических цветов, чьи лепестки переливались всеми цветами радуги. И каждый раз они удалялись то в сад, то в библиотеку, то в гостиную для своих долгих, уединённых бесед.

Мне же была отведена роль безмолвного слуги, тени, которой позволено наблюдать за этим спектаклем. Меня усаживали за один стол с ними во время обедов, но моё присутствие игнорировалось с таким мастерством, что я начинала сомневаться, видима ли я вообще.

— Граф, вы просто должны попробовать этот пирог! — звенел голос Марисы, когда она пододвигала к Рихарду тарелку с десертом, который я испекла ещё утром под бдительным оком Лиссии.

— Мариса демонстрирует просто феноменальные успехи в управлении стихиями, — вставляла своё слово мачеха, пока Рихард вежливо пробовал пирог. — Её наставник говорит, что такого природного дара он не видел годами.

Рихард кивал, его холодный взгляд смягчился, когда он смотрел на мою сестру.

— Это впечатляет, — говорил он, и в его голосе звучала та самая нота одобрения, которой мне было никогда не добиться. — Ваша дочь действительно исключительная, миссис Гейтервус.

А я сидела, уставившись в свою тарелку, и чувствовала, как жгучий стыд и гнев разъедают меня изнутри. Каждый такой обед был пыткой. Я ловила на себе взгляды графа и графини де Сайфорд — в них читалось недоумение и лёгкая жалость, что было почти невыносимо. Отец же старался не встречаться со мной глазами, погружённый в молчаливое раскаяние.

Однажды я осмелилась вставить слово в разговор о магических артефактах, вспомнив что-то из прочитанных в детстве книг. В комнате наступила мёртвая тишина.

Рихард медленно повернул ко мне голову, впервые за несколько дней действительно увидев меня. Но в его глазах не было интереса — лишь лёгкое раздражение, словно его побеспокоил назойливый муха.

— Интересная теория, мисс Гейтервус, — произнёс он вежливо-холодным тоном, от которого кровь стыла в жилах.

— Однако она давно опровергнута современными исследованиями. Мариса, не находишь?

И всё. Взгляд его снова устремился на мою сестру, и разговор пошёл дальше, как будто меня и не было. Мариса бросила на меня торжествующий взгляд, полный презрения.

В тот вечер я не выдержала. Когда Рихард уехал, а семейство удалилось в свои покои, я прокралась на кухню. Мне нужно было хоть немного тишины и одиночества, чтобы прийти в себя. Но покоя я не нашла и там.

— Ну что, наслушалась любезностей? — раздался с потолка знакомый насмешливый голос.

Я вздрогнула и подняла голову. Мартин удобно устроился на одной из массивных балок, свесив вниз полосатый хвост и доедая, судя по всему, украденный сыр.

— Ты чего тут делаешь? — устало спросила я, опускаясь на табурет.

— Обустроиваюсь, — философски заметил енот. — Твой шкаф — это, конечно, мило, но тут еды больше. И теплее. Так что? Опять весь вечер на тебя смотрели как на пустое место?

Я лишь горько кивнула, глотая подступившие слёзы. Рассказывать ему снова о своём унижении не было сил.

Мартин прыгнул вниз с грацией акробата и подошёл ко мне, его блестящие глазки внимательно изучали моё лицо.

— Ну, значит, пора переходить к активным действиям.

— Каким ещё действиям? — удивилась я. — Он даже слу-

шать меня не станет!

— Именно поэтому! — Мартин торжествующе поднял лапку. — Если он не хочет тебя видеть и слышать, значит, надо заставить его почувствовать. Или, по крайней мере, сильно намозолить глаза.

Я уставилась на него с непониманием.

— О чём ты?

— О мести, глупышка! О маленьких, изящных пакостях! — он прошелся передо мной на задних лапках, явно довольный своей идеей. — Ты же злишься? Кипишь? Вот и направь эту энергию в продуктивное русло. Не сиди сложа лапки!

Идея показалась мне абсурдной и опасной.

— Я не могу... Он граф! Если он узнает...

— А он не узнает! — с энтузиазмом перебил меня Мартин. — Во-первых, я помогу. Во-вторых, он на сто процентов уверен, что ты — безропотная тряпка, которая и мухи не обидит. Мысль о том, что это ты, он даже рассматривать не будет. Ну, так что? Готова немного пошалить?

В его голосе звучал такой азарт, такая уверенность, что мои собственные сомнения начали таять. Гнев, копившийся все эти дни, требовал выхода. И предложение Мартина казалось единственным способом хоть как-то восстановить своё пошатнувшееся достоинство.

— Что... что именно ты предлагаешь? — осторожно спросила я.

Хитрый огонёк в глазах енота вспыхнул ярче.

— Для начала малость подпортить ему удовольствие от общения с прекрасной Марисой. У него завтра утренний визит, да?

Я кивнула.

— Прекрасно. Я слышал, они планируют чаепитие в голубой гостиной. Оставь это мне.

На следующее утро я с замиранием сердца наблюдала из окна своей комнаты, как карета де Сайфорда подъезжает к дому. Сегодня я придумала себе головную боль, чтобы избежать унижительного завтрака с семьёй, и осталась в спальне.

Вскоре снизу донеслись голоса. Рихард, Мариса и маменька переместились в голубую гостиную, как и предсказывал Мартин.

Прошло минут пятнадцать. Всё было тихо. Слишком тихо. Может, Мартин передумал? Или его поймали?

Вдруг снизу раздался оглушительный, гортанный крик Марисы, больше похожий на визг напуганной свиньи. Он был таким пронзительным, что стекла на моём окне задрожали.

Я бросилась к двери и приоткрыла её.

— Крыса! О, всемогущие боги, крыса! — завывала Мариса. — Она пробежала у меня прямо под ногами! Прямо по ковру! А-а-а-а-а!

Послышался грохот опрокидываемой мебели и возмущённый, сдавленный возглас Рихарда.

— Мисс Мариса, успокойтесь! Это всего лишь... — его

голос прозвучал неестественно высоко.

— Немедленно найти эту тварь и уничтожить! — пронзительно скомандовала мачеха. — Как она посмела?! В моём доме!

Поднялась невероятная суматоха. Слышался топот ног слуг, испуганные возгласы.

Я не выдержала и, прикинувшись разбуженной шумом, вышла на лестницу.

Вид внизу был поистине картинным. Мариса, бледная как полотно, стояла на диване, поджав ноги и продолжая истерично всхлипывать. Её идеальная причёска растрепалась, а на щеках застыли некрасивые красные пятна. Клариса металась по комнате, тыча пальцем во все углы. Рихард же стоял посреди гостиной с идеально прямой спиной, но на его безупречном фраке красовалось большое бурое пятно — видимо, результат опрокинутой в панике чашки шоколада. Его лицо было каменным, но по нервно дёргающемуся уголку глаза я поняла — его ледяное спокойствие дало трещину.

В этот момент из-под портьеры выглянула знакомая полосатая морда. Мартин поймал мой взгляд, подмигнул мне своей чёрной бусинкой-глазом и бесшумно скрылся в тени.

Мне пришлось прикусить губу, чтобы не расхохотаться. Зрелище было столь комичным и нелепым, что вся моя обида на миг улетучилась, уступив место дикому, детскому восторгу.

Слуги так и не нашли «крысу». Истерику Марисы испор-

тила всё утро. Рихард, вежливо, но холодно попрощавшись, уехал гораздо раньше обычного, даже не остался на обед. Пятно на фраке, должно быть, доставляло ему немало дискомфорта.

Вечером того же дня Мартин явился ко мне на подоконник с видом полководца-победителя.

— Ну что? — самодовольно спросил он, поедая припасённое для него печенье. — Эффектно?

— Это была ты? — прошептала я, хотя ситуация и так была очевидна.

— Ну, я немного помог местной мышиной популяции сделать вылазку, — скромно потупился енот. — Одна пушистая особа оказалась весьма сговорчивой за кусочек сыра. А опрокинуть чашку — это уже само собой получилось. Хаос — моё второе имя!

Он был так горд собой, что я не удержалась и рассмеялась. Впервые за много дней.

— Они всё утро искали крысу, — сказала я, качая головой. — Мариса до сих пор не может прийти в себя.

— Прекрасно, — заключил Мартин. — Пусть знает, что не всё в этом мире вертится вокруг её персоны. А ледяной граф пусть почистит свой фрак. Так, что на повестке дня на завтра?

Я смотрела на этого наглого, прожорливого, невероятно-го зверька и чувствовала, как что-то внутри меня меняется. Обида и отчаяние никуда не делись, но к ним добавилось

новое чувство — азарт. Маленькая, но победа. Возможность хоть как-то повлиять на ситуацию.

— Не знаю, — честно ответила я. — Но что-нибудь придумаем.

Мартин довольно прихрюкнул.

— Вот это настроение! Сегодня ты говоришь как настоящий сообщник. Теперь спи. Завтра нас ждёт новый день и новые возможности для... эм-м-м... творчества.

Он скрылся в ночи, оставив меня наедине с новыми мыслями. Я всё ещё была несчастной невестой, которую отвергли. Но теперь у меня был союзник. Очень странный, очень голодный, но невероятно эффективный.

И впервые за долгое время я легла спать с лёгким сердцем и улыбкой на губах. Месть, даже такая маленькая и нелепая, оказалась сладкой. Очень сладкой.

Неделя, что граф Рихард де Сайфорд не появлялся в нашем доме, тянулась мучительно долго. Для Кларисы и Марисы это время было наполнено тревожными сплетнями и догадками. Для отца — молчаливым беспокойством. Для меня же эти семь дней стали странной передышкой, временем, когда можно было перевести дух и... соскучиться по тому самому еноту, который наглým образом пропал вместе со своим хозяином.

Мартин не появлялся. Ни за булочками, ни с новыми планами мелких пакостей. Его отсутствие было звенящим, и я ловила себя на том, что прислушиваюсь к каждому шороху в надежде услышать его насмешливый голос. Без своего мohnатого сообщника я снова начала чувствовать себя прежней Ясиной — одинокой, незаметной, забитой в угол.

Наступило воскресенье. После полудня, когда мы все сидели в гостиной, занимаясь кто рукоделием, кто чтением, послышался стук колес подъезжающей кареты. Не одной, а двух. Моё сердце ёкнуло. Мариса бросила пяльца и подлетела к окну.

— Это они! — прошептала она, и в её голосе звучала смесь надежды и страха. — Граф де Сайфорд! И... его родители.

Мачеха засуетилась, поправляя складки платья и приглаживая волосы.

— Быстро! Приведите себя в порядок! Арэн, твой жилет!

Отец нервно поднялся с кресла, его лицо было напряжённым. Я же осталась сидеть на своём месте, сжимая в руках забытое шитьё. Что бы это ни было, хорошего ждать не приходилось. Визит всей семьи де Сайфорд в такой день не сулил ничего обыденного. Или же они наконец решили назначить дату нашей с графом свадьбы?

В доме воцарилась напряжённая тишина, нарушаемая лишь тяжёлыми, мерными шагами в прихожей. Наконец, дверь в гостиную распахнулась, и в комнату вошли сначала

граф Вильям и графиня Изабелла.

Их лица были красноречивее любых слов. Граф Вильям выглядел на десять лет старше; его обычно добродушные черты были искажены суровой, почти гневной складкой у рта. Взгляд был устремлён куда-то в пол, будто ему было стыдно смотреть нам в глаза. Графиня Изабелла шла, гордо выпрямив спину, но её лицо было бледным, как мрамор, а губы сжаты в тонкую, неодобрительную линию. От них обоим веяло холодом, словно они принесли с собой зимнюю стужу. Они явно были не в восторге от предстоящего разговора.

А затем появился он.

Рихард де Сайфورد вошёл следом за родителями, и контраст был разительным. Если его родители были серы, как грозовая туча, то он сиял. Буквально. В его осанке, в развороте плеч, во взмахе руки, когда он снимал перчатку, читалась непоколебимая уверенность и... торжество. Его глаза, обычно холодные, горели каким-то внутренним огнём, сфокусированным и интенсивным. Он выглядел так, будто нашёл ответ на величайшую загадку вселенной.

— Мистер Гейтервус, миссис Гейтервус, — начал граф Вильям, и его голос звучал глухо, без привычной теплоты. — Простите за внезапный визит. Нам необходимо обсудить... важное дело.

— Конечно, граф, конечно! — залепетала Клариса, жестом приглашая их сесть. — Мы всегда рады гостям!

Все устроились. Я сидела в стороне, стараясь быть как

можно меньше. Рихард занял место напротив Марисы, и его взгляд практически не отрывался от неё. В нём было что-то новое — не просто интерес, а собственничество. Мариса под этим взглядом расцветала, кокетливо опуская глазки, но в её позе читалась нервозность.

Неловкая пауза затягивалась. Наконец, Рихард прервал молчание. Он не стал обращаться к отцу, а говорил прямо, обращаясь ко всем, но глядя на Марису.

— Я не стану тратить ваше время на пустые церемонии, — заявил он, и его бархатный бас заполнил комнату, не оставляя места для возражений. — Прошедшая неделя дала мне время для глубоких размышлений. Время, чтобы прислушаться к своей природе, к голосу крови.

Он сделал паузу, давая своим словам проникнуть в сознание слушателей.

— Как вам известно, в нашей семье течёт кровь драконов. А драконы... драконы созданы для великих свершений и великих союзов. Мы рождены, чтобы находить своих истинных пар. Ту, что предназначена судьбой. — Сердце моё упало и замерло где-то в районе пяток. Я инстинктивно поняла, к чему он клонит. — Я долго искал, — продолжал Рихард, и его взгляд наконец оторвался от Марисы и скользнул по мне. В нём не было ни злобы, ни сожаления, лишь лёгкое, снисходительное недоумение, как будто он видел перед собой не человека, а некую абстрактную помеху. — И я ошибался. Я позволил себя убедить в том, что долг и традиция должны

стоять выше зова крови. Но теперь я вижу ясно. Очень ясно. — Он повернулся к моему отцу, и его тон стал формальным, но неумолимым. — Мистер Гейтервус, я вынужден отозвать своё согласие на брак с вашей старшей дочерью, Ясминой. Прошу простить меня за причинённые неудобства.

В комнате повисла гробовая тишина. Я чувствовала, как кровь отливает от моего лица, оставляя кожу ледяной. Такого публичного унижения я не ожидала даже в самых страшных кошмарах. Отец побледнел, его руки сжали подлокотники кресла.

— Но...граф... — попытался что-то сказать он, но Рихард поднял руку, останавливая его.

— Это решение окончательное и обсуждению не подлежит, — произнёс он с железной твёрдостью. — Однако у меня есть иное предложение. Одно, что соответствует велению моей сущности и, я уверен, будет благом для обеих наших семей. — Он снова посмотрел на Марису, и его лицо озарила та самая улыбка, которой я ждала и на которую так и не смогла рассчитывать. Улыбка облегчения, признания и... страсти. — Ваша младшая дочь, Мариса, — провозгласил он, и его голос зазвучал почти торжественно, — является моей истинной парой. Я чувствую это каждой клеткой своего тела. Её магическая энергия резонирует с моей. Её душа откликается на зов моей души. Я прошу её руки. Разумеется, я дожусь её восемнадцатилетия. Тем более, что до него осталось всего три месяца.

Эффект был подобен взрыву. Мариса издала восторженный визг и всплеснула руками, её лицо пылало румянцем счастья. Клариса засияла таким триумфом, будто выиграла королевство, стараясь при этом выглядеть скромно и умиротворённо. Отец сидел, опустив голову, его плечи сгорбились под тяжестью стыда и беспомощности. Он украдкой бросил на меня полный жалости взгляд.

А я... я просто сидела. Я чувствовала, как комната начинает плыть перед глазами. Его слова о том, что моя сестра его «истинная пара», резали слух, звучали фальшиво и театрально. Но он произносил их с такой искренней, неподдельной убеждённостью, что в них невозможно было усомниться. Так мог говорить только человек, абсолютно уверенный в своей правоте.

Графиня Изабелла тихо вздохнула и отвернулась, глядя в окно. Граф Вильям мрачно смотрел в пол, его молчание было красноречивее любых слов — он не одобрял, но был бессилён перед волей сына и таинственной силой «истинной пары».

— Рихард, мой мальчик... — снова попытался вставить слово отец, но Клариса быстро подхватила, обращаясь к Рихарду с подобострастной улыбкой.

— О, граф! Конечно! Это такая честь для нашей семьи! Для нашей Марисочки! — она говорила тихо, почти благоговейно, стараясь не выдать своего торжества. — Мы всегда видели в вас достойнейшего человека. И если судьба указа-

ла именно на нашу Марису... кто мы такие, чтобы спорить с судьбой?

Рихард кивнул, его внимание было всецело поглощено Марисой.

— Мисс Мариса? Вы согласны оказать мне эту величайшую честь? Согласны ли вы стать моей женой?

— О да, граф! Да! — прошебетала она, и слёзы искренней, как казалось со стороны, радости выступили на её глазах. — Это величайшее счастье для меня!

В этот момент я не выдержала. Я встала. Мои ноги дрожали, но я заставила их держать меня.

— Прошу прощения, — прошептала я, и мой голос прозвучал хрипло и чуждо. — Я... яневажно себя чувствую.

Я не смотрела ни на кого. Ни на притворно-сочувствующую мачеху, ни на счастливую сестру, ни на сияющего жениха, ни на своего несчастного, униженного родителя. Я просто развернулась и вышла из гостиной.

За спиной я слышала голос Рихарда, обращённый к Марисе, мягкий и полный понимания:

— Дайте ей время. Это должно быть ударом для её гордости. Но судьба редко спрашивает наше мнение.

Эти слова добили меня. Я почти бегом бросилась по коридору, вверх по лестнице, в свою комнату. Захлопнув дверь, я прислонилась к ней спиной, и только тогда позволила слёзам хлынуть потоком.

Это был конец. Полный, окончательный, бесповоротный.

Он не просто отверг меня. Он публично заявил, что я ошибка, недоразумение, а она — его судьба. И самое ужасное, что все вокруг, даже его собственные родители, похоже, верили в это.

Вдруг знакомый шорох заставил меня вздрогнуть. Из-под кровати показалась полосатая морда.

— Ну, — произнёс Мартин, и в его голосе не было ни насмешки, ни привычного балагурства. Он выглядел необычайно серьёзным. — Вот это представление. Цирк с конями, да и только.

Я не могла ничего сказать. Я просто смотрела на него, и слёзы катились по моим щекам.

— «Истинная пара», — фыркнул он с откровенным скепсисом. — Очень уж удобно эта «пара» нашлась. Слишком уж громко они про свою судьбу кричат. Настоящая магия тихая. А эта... — он повёл носом, принюхиваясь, — эта пахнет театром абсурда.

— Но все... все поверили, — выдавила я.

— Все видят то, что хотят видеть, — поправил меня енот. Его глазки сузились до хитрых щёлочек. — Твоя мачеха хочет выдать дочку за графа. Твой отец хочет избежать скандала. А дракон... дракон хочет верить, что нашёл свою единственную. Его обвели вокруг пальца, как последнего простака. И сделано это чисто. Очень чисто.

Он помолчал, обдумывая что-то.

— Ладно. Значит, так. Раз они играют в такие игры, нам

придётся стать немножко... шпионами. Мне нужно время. Нужно проследить, понаблюдать. Узнать, откуда ветер дует. А тебе... — он ткнул лапкой в мою сторону, — тебе нужно держаться. Не дать им себя сломать. Ты сильнее, чем думаешь.

— Я не чувствую себя сильной, — прошептала я.

— Пока не чувствуешь, — согласился Мартин. — Но это поправимо. Сначала мы найдём правду. А потом... потом мы найдём и твою силу. Обещаю.

С этими словами он юркнул в открытое окно, оставив меня наедине с новой, странной надеждой. Он не обещал мгновенной мести или чуда. Он обещал правду. И в данный момент это было ценнее всего.

Следующие дни в доме превратились в ад. Если раньше Клариса и Мариса просто меня игнорировали или отпускали колкости, то теперь их торжество стало оголённым и агрессивным. Они не упускали ни единой возможности ткнуть меня носом в моё поражение.

Каждый обед, каждая случайная встреча в коридоре сопровождалась ядовитыми замечаниями.

— Ах, Ясмина, милая, не грусти, — говорила мачеха, поправляя на Марисе новую брошь, которую подарил ей Рихард. — Не каждой ведь так везёт, как нашей Марисочке.

Некоторым суждено довольствоваться малым.

— Да, маменька, — подхватывала сестрица, сладко улыбаясь. — Я так счастлива, что граф разглядел во мне свою истинную пару. Жаль, что некоторые не смогли его удержать. Должно быть, им не хватило... магии.

Они говорили это при отце, при слугах. Отец лишь молча кушал, уставившись в тарелку, его плечи всё больше сгибались под тяжестью вины и беспомощности. Я пыталась молчать, глотать обиду, но терпение моё было не безгранично.

Взрыв произошёл вечером, когда Мариса, проходя мимо, «случайно» уронила мою любимую чашку — последнюю память о матери. Фарфор разбился с жалким, звонким треском.

— Ой, прости! — фальшиво воскликнула она, даже не наклонившись, чтобы поднять осколки. — Я так засмотрелась на своё кольцо! — Она протянула руку, демонстрируя массивный перстень с сапфиром — символ помолвки.

Что-то во мне оборвалось.

— Сделала ты это нарочно! — выкрикнула я, вскакивая с места. Мои руки дрожали. — Ты всегда всё портишь! Ты забрала у меня всё!

— Ясмина! — строго окликнула меня отец, но было поздно.

— Что я у тебя забрала? — надула губки Мариса. — Графа? Так он никогда твоим и не был. Он был моим по праву судьбы!

— Какая там судьба! — зарыдала я, не в силах сдержаться.

— Ты и твоя мать что-то подстроили! Я в этом уверена!

В дверном проёме, словно из-под земли, выросла Клари-са.

— Опять ты со своими дикими фантазиями и обвинениями! — её голос был ледяным. — Вместо того чтобы радоваться за сестру, ты плодишь грязные сплетни! Твоя зависть отвратительна, Ясмина!

— Это не зависть! Это правда!

— Довольно! — неожиданно громко сказал отец. Он встал, и его лицо было усталым и решительным одновременно. — Я не могу больше этого выносить. Бесконечные ссоры, скандалы... Этот дом превратился в поле битвы.

Он посмотрел на меня, и в его глазах я прочитала не гнев, а отчаяние.

— Ясмина, ты сама не даёшь себе шанса. Твоя озлобленность съедает тебя изнутри. Так больше продолжаться не может.

Моё сердце упало. Я поняла, к чему он клонит.

— Арэн, дорогой, — сладким голосом вступила мачеха, — я как раз хотела с тобой посоветоваться. Мне кажется, Ясмине нужна перемена обстановки. Чтобы забыть всё это... недоразумение. Я писала своей кузине, она как раз курирует Академию Айстервид. Они берут... сложных студентов. Для коррекции поведения и магической реабилитации. Это могло бы пойти ей на пользу.

Академия Айстервид. Я слышала о ней. Туда отправляли неуправляемых аристократических отпрысков, бездарных магов и тех, от кого хотели избавиться под благовидным предлогом. «Магическая свалка» — звали её за глаза.

Отец помрачнел ещё больше. Он долго смотрел на меня, а потом на Кларису. Я видела, как он борется сам с собой. Но он был сломлен.

— Возможно... ты права, — тихо произнёс он. — Может быть, там... ей помогут. Согласна, Ясмина?

Что я могла ответить? Протестовать? Умолять? После всего, что случилось, это выглядело бы ещё более жалко. Они все — отец, мачеха, сестра — смотрели на меня как на проблему, которую наконец-то решили устранить.

Я выпрямилась, с трудом сгоняя слёзы. Горечь подступала к горлу, такая едкая, что хотелось кричать.

— Да, — прошептала я. — Я согласна.

Отъезд назначили на послезавтра. Сборы были недолгими — у меня было не так много вещей, которые я считала своими. Я сложила несколько платьев, книги и миниатюрный портрет матери. Вечером накануне отъезда ко мне тихо постучали.

— Войдите, — сказала я, думая, что это отец.

В комнату робко вошла Лиссия. В её руках был небольшой, но плотный свёрток.

— Мисс Ясмина, — прошептала она, оглядываясь через плечо. — Я... я не могу позволить вам уехать с пустыми ру-

ками.

Она развернула свёрток. Там лежали тёплые шерстяные носки, несколько золотых монет — целое состояние для служанки, — пакетик с сушёными фруктами и маленькая, потрепанная книжица.

— Это... это мои сбережения, — смущённо сказала она, видя моё удивление. — Возьмите, вдруг пригодятся. А книга... это старый травник моей бабки. Может, в академии пригодится. Там не только о травах, там и простые заклинания есть, бытовые. От простуды, чтобы вещи не терялись...

Я смотрела на неё, и ком подкатил к горлу. Эта женщина, у которой и так ничего не было, отдавала мне последнее.

— Лиссия, я не могу...

— Можете, мисс! — она настойчиво сунула свёрток мне в руки. — Вы всегда были ко мне добры. И я... я вижу, что тут творится несправедливость. Будьте осторожны. И... и возвращайтесь.

Она обняла меня быстро, по-матерински, и выскользнула из комнаты, оставив меня с тёплым свёртком и первыми за долгое время искренними слезами благодарности.

Утром у крыльца стоял скромный экипаж. Клариса и Мариса не сочли нужным выйти проводить меня. Отец стоял на крыльце, его лицо было серым.

— Ясмина, доченька... — он взял мои руки в свои. — Это... это к лучшему. Поверь. Успокойся там, окрепни. А здесь... всё уладится.

Отец не смотрел мне в глаза. Он не мог. Я видела, что он стыдится, что ему жаль, но он был слишком слаб, чтобы что-то изменить.

— Прощай, папа, — тихо сказала я, не в силах сказать больше.

Я забралась в карету. Кучер щёлкнул вожжами, и лошади тронулись с места. Я не выглядывала в окно, не махала рукой. Лишь сидела, сжавшись в комок, и смотрела на свои колени.

Горечь заполняла меня всю, вытесняя все остальные чувства. Они избавились от меня. Вытолкнули, как ненужный хлам. Отец предал. Мачеха и сестра победили. А Рихард... он даже не узнает, что меня отправили в ссылку. Он будет жить в своём счастливом мире с своей «истинной парой».

Карета выехала за ворота поместья. Я закрыла глаза, желая одного — забыться. Забыть всё: боль, унижение, предательство. Пусть в Академии Айстервид будет плохо. Пусть будет невыносимо. Лишь бы это было не здесь.

В кармане моей дорожной сумки что-то зашевелилось. Я вздрогнула и сунула руку внутрь. Мои пальцы наткнулись на что-то тёплое и мохнатое.

Из кармана выглянула знакомая полосатая морда с хитрющими глазками-бусинками.

— Ну что, прокатишь? — бодро спросил Мартин, вылезая и усаживаясь на сиденье напротив. — А то тут без меня, я смотрю, совсем скучно стало.

Я уставилась на него, не веря своим глазам.

— Ты... как ты...?

— А я, между прочим, мастер незаметного проникновения, — самодовольно заявил он, принимаясь вылизывать лапку. — А ты, наверное, думала, что я бросил тебя тут одну? И не подумал. Наше расследование только начинается. Академия Айстервид... — он многозначительно хмыкнул. — Интересное местечко. Там, говорят, собираются самые разные... интересные личности. И информации там можно найти кучу. Так что расслабься. Поездка будет веселее, чем ты думаешь. — Он посмотрел на моё заплаканное лицо, и его взгляд смягчился. — И перестань реветь. Это не конец. Это, если хочешь знать, самое начало. Настоящее начало. Пока они тут играют в свои глупые игры, мы с тобой найдём против них управу. Обещаю.

Я смотрела на этого наглого, невероятного енота, и какая-то часть ледяного кома внутри меня начала таять. Я не была одна. В этом чудовищном мире у меня был свой, очень странный, но верный союзник.

Я откинулась на спинку сиденья и впервые за долгие дни по-настоящему выдохнула. Впереди была неизвестность. Но теперь она не казалась такой уж страшной.

Глава 4

Ясмина Гейтервус

Академия Айстервид возникла на горизонте внезапно, как мрачная греда. Не изящные шпили и витражи, которые я подсознательно ожидала увидеть, а массивные, покрытые серым мхом стены, узкие, похожие на бойницы окна и тяжёлые железные ворота. От неё веяло не знанием, а забвением. Идеальное место для того, чтобы спрятать неудобную дочь.

Экипаж остановился у ворот. Мартин нехотя влез обратно в сумку, чтобы не привлекать лишнего внимания. Кучер, не говоря ни слова, просто кивнул в сторону выхода. Я взяла свою скромную дорожную сумку и вышла. Воздух здесь был холоднее и влажнее, чем дома, и пах хвоей, сырым камнем и чем-то ещё, едва уловимой примесью озона, что выдавало место сильной магии.

Я стояла в нерешительности, глядя на запертые ворота, не зная, что делать дальше. Вдруг они с грохотом распахнулись изнутри, и оттуда стремительно вылетел парень. Он был немногим старше меня, с тёмными взъерошенными волосами и смуглым лицом, искажённым злостью. Он что-то яростно бубнил себе под нос и шёл так быстро, что не смотрел под ноги.

Мы столкнулись плечом к плечу. Я едва удержала равно-

весие, а он отшатнулся и обрушил на меня весь свой гнев.

— Эй, смотри куда прёшь, растяпа! — рыкнул он, его глаза, цвета тёмного мёда, метали молнии.

— Это ты на меня налетел! — возмутилась я, сама удивляясь своей резкости. Горечь и усталость от дороги давали о себе знать.

— Я? Да ты заняла весь проход! — он презрительно окинул меня взглядом с ног до головы, задержавшись на моём скромном, уже немного потрёпанном платье. — Новенькая? Понятно. Будешь тут по коридорам шляться, хотя бы людям под ноги не путалась!

Его тон, полный раздражения и превосходства, добил меня. После всего, что случилось, эта мелочная грубость стала последней каплей.

— Может, тебе просто стоит быть повнимательнее, а не нестись сломя голову, как разъярённый бык! — парировала я, сверкнув глазами.

Казалось, парня взорвало от такого сопротивления. Он сделал шаг вперёд, его рука непроизвольно сжалась в кулак.

— А ну, повтори, дура неуклюжая!

Я отступила на шаг, но было поздно. В этот момент молния мелькнула не в его глазах, а у моих ног. Из сумки с тихим свирепым шипением выскочил Мартин. Он не стал разбираться, а просто вцепился своими острыми зубками в голую лодыжку парня.

— А-а-а! Чёрт! Что это?! — заорал тот, дёрнув ногой и с

трудом стряхнув с себя енота.

Мартин грациозно приземлился на землю, ошетинился и зашипел, как крошечный разъярённый медведь. Парень схватился за ногу, на которой проступали капельки крови.

— Твоя тварь?! — он с ненавистью посмотрел на меня. — Ты за это ответишь, новенькая! Запомни моё лицо! Каэлан Локвуд! Я с тобой ещё разберусь!

Он бросил на нас последний яростный взгляд, развернулся и, прихрамывая, скрылся за поворотом дороги, ведущей, видимо, к какому-то из внешних зданий академии.

Я стояла, тяжело дыша, сердце колотилось как бешеное. Отличное начало. Не прошло и пяти минут, как я у ворот, а уже успела нажить себе врага.

— Ну и характер у этого человечешки, — фыркнул Мартин, усаживаясь и принимаясь вылизывать лапку. — Прямо как у моего хозяина в плохом настроении. Пришлось применить меры воспитания.

— Ты мог бы и предупредить! — прошептала я, но в душе была ему благодарна.

В этот момент из ворот вышел человек. Высокий, худощавый мужчина в строгих одеждах преподавателя, с седыми висками и внимательным, усталым взглядом. Он посмотрел на меня, потом в сторону, где скрылся Каэлан, и поднял одну бровь.

— Надеюсь, это не станет вашей визитной карточкой в Айстервиде, мисс Гейтервус, — произнёс он ровным, ли-

шённым эмоций голосом. — Конфликты в академии не приветствуются.

Я замерла. Мартин! Где Мартин?! Я метнула взгляд по сторонам, но енота нигде не было видно. Потом я услышала лёгкий шорох и почувствовала, как моя дорожная сумка на плече странно дёрнулась и стала чуть тяжелее. Гениально. Он спрятался внутрь.

— Простите, это... это было недоразумение, — пробормотала я, чувствуя, как краснею.

— В Айстервиде многие вещи кажутся недоразумением, пока не станут привычной реальностью, — философски заметил мужчина. — Я — магистр Элвин, куратор первого курса. Меня попросили встретить вас. Пожалуйста, пройдёмте.

Он повернулся и пошёл внутрь, не проверяя, следую ли я. Я поспешила за ним, крепче прижимая к боку сумку, из которой доносилось довольное, почти неслышное похрюкивание.

Мы прошли через мрачный внутренний двор и поднялись по бесконечной винтовой лестнице в одну из башен. Воздух пах старыми книгами, пылью и травяными настоями. Магистр Элвин шёл молча, и я не решалась нарушить тишину.

Наконец он остановился у неприметной двери с номером «17» и отворил её ключом.

— Ваша комната. В Айстервиде мы не балуем студентов роскошью. Вас поселят с соседкой. Надеюсь, вы найдёте об-

щий язык. Расписание занятий будет вывешено завтра утром в холле. Ужин в столовой через час. Не опаздывайте.

Он кивнул и удалился, его шаги бесшумно затихли в каменном коридоре.

Я вошла в комнату. Она была крошечной: две узкие кровати, два письменных стола, один шкаф. Окно с видом на мрачный внутренний двор. На одной из кроватей лежал открытый чемодан, а у окна, спиной ко мне, стояла девушка с короткими медно-рыжими волосами. Она что-то сосредоточенно разглядывала в ладони — маленький, светящийся голубым шарик энергии.

Услышав скрип двери, она обернулась. Её глаза, зелёные, как лесная трава, широко раскрылись от удивления. В этот момент шарик энергии в её руке дёрнулся, вырвался и, пролетев над моей головой, с глухим стуком врезался в дверь, оставив на дереве небольшой обугленный след.

— Ой! — воскликнула девушка. — Прости! Я не хотела! Ты, наверное, моя новая соседка?

Я смотрела то на неё, то на дымящееся пятно на двери, и чувствовала, как по спине бегут мурашки. Похоже, моя жизнь в Айстервиде обещала быть... интересной. Очень интересной.

Холодный, сырой воздух аудитории магии воды пропитал

стены до такой степени, что с них, казалось, вот-вот потекут ручьи. Помещение представляло собой просторный каменный зал с углублением в центре, где журчала и переливалась в чаше вода, готовая откликнуться на зов студентов. Я стояла у своего рабочего места, стараясь быть как можно незаметнее, но чувствовала на себе взгляды.

Группа была небольшой, человек пятнадцать. Большинство смотрели на меня с безразличным любопытством, но одна девушка — высокая, с чёрными, уложенными в сложную причёску волосами и холодными голубыми глазами — рассматривала меня так, будто я была насекомым, случайно залетевшее не в ту аудиторию. Её имя, как я успела узнать, было Леона Вандергрифт, и её род славился могущественными гидромантами. Но, судя по тому, что эта девушка была здесь, ее способности были весьма заурядны.

Магистр Элвин, казалось, не замечал напряжённой атмосферы.

— Сегодня мы продолжим работу с базовыми манипуляциями, — его голос эхом разносился под сводами. — Мисс Гейтервус, так как вы новенькая и пришли уже после начала обучения, вам придется самостоятельно догонять пропущенные занятия и вливаться в рабочий процесс. А теперь приступим к занятию. Сфокусируйте волю. Протяните её к воде, как невидимую руку. Заставьте её подняться, принять форму, подчиниться вашему желанию.

Он продемонстрировал: едва заметное движение пальцев,

и из чаши плавно поднялся изящный водяной столб, закрутившийся в спираль. Студенты принялись за работу. Вскоре по залу заплясали небольшие струйки, шарики, даже подобию цветков из воды. Леона вызвала из чаши целый водопад, который послушно завис в воздухе, переливаясь в свете магических огней. Она самодовольно улыбнулась.

Я закрыла глаза, стараясь сосредоточиться. Представляла себе воду. Представляла, как протягиваю к ней руки, как воля моя должна стать мостом между нами. Но внутри была лишь пустота. Та самая, знакомая с детства пустота, которая пожирала любую попытку магии. Я чувствовала воду: её холод, её движение, но не могла до неё дотянуться. Она была за толстым, невидимым стеклом.

Поток пота стекал у меня по спине. Я сжимала кулаки, шепча заклинание, которое нашла в травнике Лиссии. Ничего. Вода в моей чаше оставалась мертвой и неподвижной.

— Новенькая что-то не в духе, — раздался рядом сладкий ядовитый голос. Леона подошла ко мне, её собственный водяной змей изящно извивался над её плечом. — Или, может, просто не в своей тарелке? Магия воды — удел избранных. Не всех сюда стоит пускать.

В аудитории наступила тишина. Все смотрели на нас. Унижение пылало на моих щеках.

— Оставь меня, — прошептала я.

— О, прости, я помешала твоему... концентрационному трансу? — Леона фыркнула. — Хотя, что тут концентриро-

вать, если внутри пусто? Слухи о твоей бесталанности, я вижу, не преувеличены. Тебя сюда из жалости прислали?

Слёзы застилали мне глаза. Я потупила взгляд, желая провалиться сквозь землю. В этот момент я заметила лёгкое движение в тени под одним из столов. Пара блестящих глаз-бусинок мелькнула в полумраке. Мартин!

Леона, довольная произведённым эффектом, уже поворачивалась к своим друзьям, чтобы разделить с ними веселье. И тут произошло странное. Её изящный водяной змей вдруг дрогнул, словно его кто-то дёрнул за невидимую нитку. Леона нахмурилась, пытаясь восстановить контроль.

А потом из моей чаши с тихим бульканьем поднялся крошечный, не больше напёрстка, пузырёк воды. Он дрожал и колебался, но он был там! Я смотрела на него, не веря своим глазам. Это была не моя сила. Это был он.

Леона заметила это и рассмеялась.

— О, смотрите все! Новенькая наконец-то смогла! Целый пузырёк! Прямо героическое усилие!

Её насмешка была прервана. Её собственный водяной змей вдруг извился, словно в конвульсиях, и с силой рванулся вперёд — не в мою сторону, а прямо в чашу с водой перед Леоной.

Раздался оглушительный всплеск. Огромная масса воды, словно живая и разъярённая, вырвалась из чаши и обрушилась на Леону с такой силой, что её сбilo с ног. Она с криком рухнула на мокрый каменный пол, захлёбываясь и отплёвы-

ваясь. Её роскошная причёска растрепалась, дорогое платье промокло насквозь и облепило её, тушь растеклась по лицу чёрными потоками. Она была похожа на промокшую, разъярённую кошку.

В аудитории на секунду воцарилась мёртвая тишина, а затем её пронзил всеобщий хохот. Даже магистр Элвин прикрыл лицо рукой, но по дёргающемуся уголку его рта было ясно, что ему нелегко сдержать улыбку.

Я стояла, застыв от шока, глядя на лежащую в луже Леону. Из-под стола донёсся довольный, тихий фырк. Работа была сделана.

Леона с трудом поднялась. Вода с неё лилась ручьями. Её взгляд, полный чистой ненависти, уткнулся в меня.

— Ты... ты это сделала! — просипела она, её голос дрожал от ярости. — Ты заплатишь за это, Гейтервус! Запомни!

Не в силах вынести всеобщего смеха, она, пошатываясь, выбежала из аудитории, оставляя за собой мокрый след.

Магистр Элвин вздохнул.

— Урок окончен. Мисс Гейтервус, — он посмотрел на меня, и в его глазах читалось не осуждение, а скорее усталое любопытство. — Вам, кажется, свойственен... непредсказуемый эффект. Постарайтесь в будущем направлять его в более контролируемое русло.

Студенты, перешёптываясь и показывая на меня пальцами, стали расходиться. Я осталась одна в пустой аудитории, дрожа от пережитого потрясения. Я подошла к своему столу

и заглянула под него.

Мартин сидел там, гордо выпятив грудь и по привычке вылизывая лапку.

— Ну что? — спросил он. — Помог местной принцессе охладить её пыл? Фигурально и буквально.

— Это был ты, — прошептала я.

— Ну, я лишь немного... направил её же энергию в нужное русло, — скромно заметил он. — Она была так занята издевательствами, что потеряла контроль. А я просто помог этому контролю... исчезнуть. Драконы не любят, когда их фамильяры вмешиваются, но тут, я считаю, того стоило.

Я смотрела на этого невероятного енота, и смех, и слёзы, и облегчение боролись во мне.

— Теперь у меня два врага. Каэлан и Леона.

— О, не переживай! — Мартин махнул лапкой. — Чем больше врагов, тем почётнее. Значит, ты им небезразлична. А теперь давай выбираться отсюда, пока нас не застали. И... принеси мне чего-нибудь вкусенького. Магия — такая голодная работа.

Я кивнула, подбирая свою сумку, в которую он тут же юркнул. Выйдя из аудитории, я почувствовала не только страх перед новой угрозой, но и странное, щемящее чувство удовлетворения. Впервые в жизни кто-то — пусть и в лице мохнатого пройдохи — встал на мою защиту. И впервые я увидела, что мои обидчики не так уж и неуязвимы. Они могут падать. Они могут выглядеть смешно. И это знание было

сладким, как мёд.

Спустя несколько дней после инцидента на уроке гидромантии атмосфера вокруг меня сгустилась до состояния бульона, в котором плавали кусочки откровенной неприязни и колкие шёпоты. Леона, восстановившая свой безупречный вид, не достаивала меня прямыми взглядами, но её холодная улыбка, которую она бросала мне через зал столовой, была красноречивее любых слов. Каэлан Локвуд, чья лодыжка, судя по всему, зажила, лишь усмехался, когда наши пути пересекались, и делал вид, что потирает укушенное место.

Я старалась держаться в тени, проводя время в библиотеке или в своей комнате. Моя соседка, Элис (так звали рыжеволосую девушку), оказалась не так уж и плоха. Немного рассеянная, вечно что-то изобретающая, она могла часами возиться с каким-нибудь магическим артефактом, а потом с криком «Эврика!» случайно поджечь занавески. Но она не была злой. И, что важнее, она не лезла с расспросами.

Однажды вечером магистр Элвин объявил о практическом занятии в Оранжее Забвения — месте, где выращивали редкие и весьма капризные магические растения. Задание было простым: каждый студент должен был найти и собрать лепестки лунолики, цветка, который распускался лишь при мягком свете магических сфер и был нежен, как шёлк.

— И помните, — предупредил Элвин, — лунолика остро реагирует на грубую магию и негативные эмоции. Спокойствие и точность — ваши лучшие союзники.

Оранжерея была огромным помещением под стеклянным куполом, где в полумраке росли причудливые растения, испускающие мягкое свечение. Воздух был густым и сладковатым. Я сразу же отделилась от группы, надеясь поскорее выполнить задание и уйти.

Поиски шли трудно. Лунолики прятались в тени более крупных растений, и их лепестки легко рвались. Я уже собрала несколько штук, аккуратно складывая их в специальную бархатную сумку, как вдруг услышала знакомые голоса за гигантским папоротником.

— ... уверен, что сработает, — доносился низкий голос Каэлана.

— Она и так на волоске, после того фарса с водой, — ответила Леона. — Осталось лишь слегка подтолкнуть. Ты подготовил замедляющее заклятье?

— На её сумке. Сработает, как только она попытается сорвать следующий цветок. Она затормозится, дёрнется и вытопчет пол-оранжереи. Элвин её сожрёт заживо.

Ледяная волна страха прокатилась по мне. Они планировали подставить меня! Я метнулась прочь от их укрытия, но было поздно. Моя нога зацепилась за корень, и я чуть не упала. Шум, конечно, привлёк их внимание.

— О, смотри-ка, кто подслушивает! — с притворной ве-

сёlostью произнесла Леона, выходя из-за папоротника. Каэлан вышел следом, скрестив руки на груди.

— Беспокоимся о качестве сбора, новенькая? — ехидно спросил он.

Я молча, стараясь не выдать паники, повернулась и пошла прочь, к другой группе растений. Сердце колотилось. Я знала, что на моей сумке теперь какое-то проклятие. Но что делать? Выбросить её значило сорвать задание и вызвать подозрения.

Я заметила красивый лунолик, растущий у самого основания древнего, покрытого мхом камня. Это был мой шанс. Если я сорву его предельно осторожно, без резких движений... Я медленно протянула руку.

В тот момент, когда мои пальцы коснулись стебля, я почувствовала странную тяжесть в конечностях. Всё вокруг словно замедлилось. Моя рука двигалась так, будто плыла сквозь мёд. Это было заклятье! Я не могла контролировать свои движения! Моя рука дёрнулась, я не удержала равновесие и с размаху наступила на соседний куст с хрупкими синими цветами. Раздался хруст. Я отшатнулась, задев плечом ветку, с которой посыпались ярко-оранжевые ягоды.

Вокруг меня воцарился хаос из сломанных стеблей, раздавленных цветов и осыпавшихся плодов. Я стояла посреди этого безобразия, бледная как полотно, с всё ещё медленно движущейся рукой.

— Боже мой! — воскликнула Леона, подходя ближе. Ка-

элан насмешливо ухмыльнулся.

— Потрясающе, Гейтервус. Настоящий талант к разрушению.

Магистр Элвин, привлечённый шумом, появился на месте «преступления». Его лицо стало каменным.

— Мисс Гейтервус, — произнёс он ледяным тоном. — Объяснитесь.

Я открыла рот, чтобы сказать, что это не я, что меня подставили, но слова застряли в горле. Кто поверит? Все видели, что это я всё разрушила.

— Она не виновата! — раздался звонкий голос.

Из-за спины Элвина вышла Элис. Её рыжие волосы были растрёпаны, а в руках она держала небольшой хрустальный шар, в котором медленно переливались туманные картины.

— Я... я проводила сканирование магических полей для своего проекта, — она смущённо потупилась. — И я записала кое-что. Взгляните.

Она протянула шар Элвину. Тот взял его, и его брови поползли вверх. Внутри шара, как в тумане, проступали два силуэта — Каэлана и Леоны. Было видно, как Каэлан накладывает какое-то заклятье на мою бархатную сумку, а Леоны наблюдает с улыбкой.

— Замедляющее заклятье, — тихо сказала Элис. — Накладывается на предмет, чтобы вызвать временную потерю моторного контроля. Очень... изошрённо.

Леоны побледнела. Каэлан перестал ухмыляться.

— Это ложь! Она всё подстроила! — выпалила Леона.

— То есть, по-вашему, этот шар врет? — парировала Элис, внезапно становясь очень серьёзной. — Магистр, вы можете проверить подлинность записи. Заклятье диагностики покажет, что на сумке мисс Гейтервус до сих пор остались следы чужеродной магии. И, думаю, если обыскать карманы мистера Локвуда, можно найти остаточные следы того же заклатья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.